

Марина
СЕРОВА

Иероглиф зла

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохрани́тель Евге́ния Охотникова

Марина Серова

Иероглиф зла

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Иероглиф зла / М. С. Серова — «Эксмо»,
2019 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 978-5-04-099126-6

Маргарита Шабурова была очень обеспокоена жизнью и здоровьем своего преподавателя японского языка Юрия Кузьмина и потому обратилась к профессиональному телохранителю Евгении Охотниковой. Учителю-сэнсэю уже несколько раз присылали угрожающие послания на японском, причем оба раза во время уроков. В первый раз курьер доставил Кузьмину старинную маску японского бога загробного мира Эмма. На следующий день – открытку с унылым осенним пейзажем и указанием на японское кладбище. Оба послания затрагивали тему смерти и загробного мира, и Маргарита очень переживала, что злоумышленники не только хотят запугать преподавателя, но и могут всерьез навредить ему...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099126-6

© Серова М. С., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Марина Сергеевна Серова

Иероглиф зла

© Серова М. С., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

– Женечка, вот, попробуй, что получилось! – Тетя Мила гордо поставила на стол тарелку с каким-то хитроумным блюдом.

Я с интересом рассматривала содержимое своей порции – нечто белое и тонкое, смутно напоминающее спагетти, ярко-цветные ромбики и кружочки овощей, поджаренные ломтики куриного мяса. Выглядело, конечно, весьма красиво – как будто я заказала фирменное блюдо в дорогом ресторане, однако у меня не было даже предположения, как сие называется и к кухне каких народов мира оно принадлежит.

– Ах да, совсем забыла! – всплеснула руками тетушка, засуетилась возле кухонного стола и поставила рядом с моей тарелкой маленькую пиалу с темно-красным соусом, а может джемом.

– Это кетчуп? – поинтересовалась я, кивнув на новое блюдо.

– Нет, это соевый соус с томатами, – объявила тетя Мила. – Фунчоза станет гораздо вкуснее, если ты польешь сверху. Только много не бери, он острый.

– Ты меня не устает пораждать, – изрекла я, осторожно положив пол чайной ложки соевого «кетчупа» рядом с основным блюдом. – Фунчоза, знакомое название...

– Так называется лапша в восточной кухне, – пояснила тетушка. – Между прочим, очень вкусная вещь. Меня недавно Зоя угощала, вот я и заинтересовалась.

Понятно, тетушка недавно была на дне рождения у подружки детства, которая, кстати сказать, тоже любит готовить. Наверняка Зоя решила удивить гостью и наготовила целый стол необычных закусок.

– Зоиною Кольку помнишь? – поинтересовалась тетушка. Я потерла лоб.

– Не очень, – призналась я, порывшись в памяти. – Я же не общаюсь с твоими подружками. Это ее муж, что ли?

– Нет, мужа Сережа зовут, а Коля – это Зоин сын. Ну как же ты забыла, Женечка! Мы в прошлом году у них на новоселье были, вы с Колей так мило общались!

А, конечно, наконец до меня дошло, о ком говорит тетушка.

– Это такой здоровый толстый детина? – уточнила я. – С которым ты меня безуспешно пыталась свести...

– Он самый! – улыбнулась тетушка.

При всех неоспоримых достоинствах тети Милы у нее имеется один, на мой взгляд, весьма прискорбный, недостаток. Почему-то тетушка считает задачей всей своей жизни во что бы то ни стало выдать меня замуж. С этой целью она пускается на всяческие ухищрения, дабы устроить мне свидание с очередным кавалером. Тетя Мила – человек общительный, у нее полно подруг. Если у кого-то из ее знакомых имеется неженатый сын, тетушка придумывает повод, чтоб познакомить меня с потенциальным женихом. Иногда избежать встречи не удастся, и я уныло плетусь со своей не в меру заботливой родственницей в гости, дабы не обижать ее. Хорошо, если у меня на данный момент есть работа – тогда повод отказать от дружеских посиделок находится сам собой. А вот в случае, когда я тихо-мирно собираюсь провести вечер за просмотром новых фильмов, тетя Мила настырно вытаскивает меня из дома. Мол, нечего в монитор пялиться, лучше общаться с другими людьми, и не по какому-нибудь скайпу, а на дружеских посиделках, непременно чтоб стол ломился от всевозможных блюд... И без толку объяснять, что я предпочитаю проводить свой досуг за просмотром недавно вышедших киноновинок, а общения мне хватает и на работе. Тетушка Мила – самый настоящий экстраверт, дай ей компанию, она, думаю, даже б в поход пошла. Такой, чтоб с палатками, и вечер у костра под гитару. Слава богу, возраст у моей не в меру общительной родственницы для таких забав неподходящий, и на природу меня вытаскивать ей в голову не придет. А вот пытаться

меня выдать замуж тетушке не надоедает, почему-то ей кажется, что я всю жизнь только и мечтаю завести семью, штук пять детишек (как минимум!) и все свободное время возиться с памперсами и стирать носки мужу. Сперва я как-то пыталась объяснить своей заботливой родственнице, что не горю желанием с кем бы то ни было связывать свою жизнь, но в скором времени поняла, что зря трачу время. Тетушка улыбалась и настырно продолжала меня таскать по всяческим увеселительным мероприятиям и знакомить с потенциальными женихами. И на Зоином новоселье она подсуетилась, усадила меня рядом с необъятным Колей, которому, похоже, было глубоко наплевать на свалившуюся ему на голову «невесту». Все внимание молодого «ухажера» было приковано к тарелкам с закусками и салатами, а беседовать ни с кем у Николая особого желания не было. Я с тоской смотрела, как он накладывает себе целые горы разнообразной еды, и не уставала удивляться, как можно столько есть. Хотя что греха таить, комплекции Коля был внушительной, в такого куча всего поместится.

– Только теперь Коля – совсем не здоровенный и не толстый! – сообщила тетушка с восхищением в голосе. – Он целый год прожил в Корее, и теперь его просто не узнать! Я видела его у Зои – построинел, помолодел, прямо писанный красавец!

– Да ну? – хмыкнула я, нанизывая на вилку фунчозу. – В Корее, видать, с едой совсем плохо! Помню, как он уплетал за десятерых на том застолье...

– Он там с корейкой одной познакомился, ну и влюбился, – пояснила тетя Мила. – Вот и похудел! Она его корейской едой кормила, они по ресторанам ходили. Зоя говорит, скоро поженятся. Он планирует в Корею навсегда переехать, ну и правильно, нечего у нас в России делать! Эх, Женька, зря ты такого парня упустила, может, вместе бы сейчас где-нибудь за границей жили...

– Да мне и здесь хорошо, – пожала я плечами. – Фунчоза, кстати, вкусная. Куда лучше обычных макарон.

– Зоя рецепт дала, – улыбнулась тетушка. – Ей Коля из Кореи большую кулинарную книгу привез, правда, на английском. Но там все понятно, даже если просто картинки смотреть. Вся хитрость приготовления фунчозы – в добавлении особого соуса. И варить ее надо не так, как обычные макароны, после приготовления она должна еще два часа постоять в прохладном месте. Ну а овощной гарнир любой пойдет, хотя корейцы острые блюда любят. И мясо – свинину предпочитают, только с острым перцем. Я-то не слишком остро делала, это они привычные.

– Да по-моему, острее и не надо, – я запила кусок мяса водой. По мне, так тетушка перестаралась – даже во рту жжет.

– Корейская кухня очень разнообразная, – продолжала вещать тетя Мила. – Чего они там только не придумывают! Я посмотрела книжку, даже переписала несколько рецептов, думаю, попробую приготовить.

– А я думала, они там только суши и роллы едят, – проговорила я, допивая воду. – А, рис еще.

– Рис – это их основное блюдо, как Коля рассказывал, – подтвердила тетушка. – Он у них, как у нас хлеб, там даже слово одно означает и рис, и еду в общем. Но роллы бывают и без риса, вроде «сашими» называется. Это когда кусочек сырой рыбы, перетянутый водорослями нори, и соус к нему. Коля в кафе именно такое блюдо заказывал, чтоб похудеть. Ну и, конечно, кимчи.

– Капуста пекинская с перцем? – проявила я немыслимые познания в восточной культуре.

– Да, они ее в бочках готовят. Берут капусту, делят ее на листья и натирают красным перцем. А потом она еще долгое время квасится. То, что у нас продают под названием «кимчи», никакого отношения к корейскому блюду не имеет. Коля говорил, что западному человеку с непривычки после подобной закуски кажется, что у него все внутренности горят!

– Да, желудок у корейцев, видимо, железный, – усмехнулась я. – Мне только подобное, прошу тебя, не готовь. Я как-то не горю желанием чувствовать себя Жанной д'Арк, которую сожгли изнутри...

Наше обсуждение корейской кухни прервала громкая мелодия звонка моего мобильного телефона. Я взглянула на экран – высветился неизвестный мне набор цифр. Интересно бы знать, кто это мог быть...

– Здравствуйте, могу я поговорить с Евгенией Максимовной Охотниковой? – вежливо спросил меня незнакомый женский голос. Моей собеседнице, очевидно, было не слишком много лет – во всяком случае, по голосу я дала бы не больше двадцати трех.

– Да, это она и есть, – произнесла я и поздоровалась. – Чем могу помочь?

– Меня зовут Маргарита, и мне вас рекомендовали как профессионального телохранителя, – сообщила девушка. – И я хотела бы к вам обратиться с одной просьбой. Конечно, может, я зря паникую, но мне кажется, что одному моему знакомому, точнее преподавателю, угрожают... Хотя это может оказаться случайностью...

– Как я понимаю, разговор не телефонный, – заметила я. – Если хотите, мы можем встретиться и вы расскажете все подробно, в чем и кого подозреваете и какая опасность, по-вашему, грозит этому преподавателю.

– Да, было бы замечательно! – с энтузиазмом поддержала моя потенциальная нанимательница. – Если вам удобно, я хотела бы встретиться с вами как можно скорее. Вас устроит сегодня вечером?

– Да, я как раз свободна, – я изобразила из себя человека, чей распорядок дня плотно забит различными делами, не говорить же ей, что пока вынужденно сижу без работы и все дни напролет просматриваю самые разные фильмы. Мы с Маргаритой договорились обсудить дело в кофейне недалеко от центра города. Как сказала девушка, туда легко добраться, и обстановка заведения как нельзя лучше подходит для разговоров. Мне-то было абсолютно без разницы, куда ехать, благо мой верный «Фольксваген» находится в гараже недалеко от дома, и в исправности автомобиля я была абсолютно уверена. Я всегда пользуюсь собственной машиной – стараюсь не вызывать такси, а общественный транспорт вообще ненавижу. Поэтому за состоянием «Фольксвагена» я слежу весьма трепетно, да и вожу, без ложной скромности, превосходно.

Закончив разговор, я взглянула на часы. Отлично, времени у меня предостаточно, успею даже начатый фильм досмотреть...

Несмотря на вечернее время, на улице царила по-летнему знойная жара – стояла середина июня, и всю неделю температура воздуха зашкаливала за тридцать градусов. Хотя я человек непритворливый и легко адаптируюсь к любым погодным условиям, сейчас меня несказанно радовало наличие в моем автомобиле кондиционера. Если уж выбирать, я бы предпочла умеренный, даже прохладный климат, без экстремальных температур. Но, прожив в Тарасове довольно продолжительное время, я привыкла спокойно относиться и к палящему летнему солнцу, и к непредсказуемой зимней стуже или мерзопакостной слякоти.

В кофейне, где назначила мне встречу Маргарита, я раньше не была – не такой я фанат городских ресторанов и кафе, если по долгу службы не приходится, я всегда обедаю и ужинаю дома. Да и зачем намеренно выбираться куда-то перекусить, раз тетушка Мила превосходно готовит? Другое дело, общение с клиентами, которые собираются нанять меня на работу. Тут уж хочешь не хочешь, поедешь куда скажут. Собственно, я всегда рассматриваю кофейни как место для встречи, где удобно обсуждать дела. Вот и сегодня я сверилась с адресом и названием кафе – называлось оно «Мария», – закрыла машину и вошла внутрь.

В помещении царила приятная прохлада, не то что на улице. Я оглядела несколько белых аккуратных столиков, компактную стойку с кофемашиной и ассортиментом разнообразных

пирожных и не спеша подошла к столику у окна. Приехала я раньше назначенного времени, поэтому решила подождать Маргариту, а заодно ознакомиться с предлагаемым меню.

Ждать мне пришлось недолго – я даже не успела пролистать книжку с названиями напитков и блюд, как дверь открылась и в кофейню вошла худенькая девушка в белой блузке и черной юбке до колен. Почему-то я сразу определила, что это и есть Маргарита, – может, по той причине, что она не походила на праздного завсегдатая кафе и столовых, да и вид у нее был целеустремленный и деловитый. Длинные черные волосы девушки были стянуты в высокий конский хвост, а лоб закрывала прямая густая челка. Лицо довольно красивое, с правильными чертами, практически без косметики. Она почему-то сразу производила впечатление человека целеустремленного и деловитого.

– Евгения Максимовна? – сразу подошла она к моему столику и окинула меня внимательным изучающим взглядом. Я кивнула.

– Почему-то я именно так вас себе и представляла, – улыбнулась девушка. – Меня зовут Маргарита Шабурова, я хотела бы воспользоваться вашими услугами телохранителя.

Молодая женщина (на вид ей было 25 лет) присела напротив меня и положила на колени маленькую черную сумочку. К нам тут же подошла официантка, пришлось заказать для приличия по чашке кофе. Мы дождались, пока та запишет наш заказ и отойдет выполнять, чтобы приступить к разговору.

– Дело в том, что я сама не уверена, грозит ли человеку, которого я попрошу вас охранять, серьезная опасность, – начала Маргарита, по-прежнему теребя ремешок сумочки. – Хотя если это только мои предположения, тем лучше... Но все-таки для проверки стоит перестраховаться...

Я терпеливо ждала, когда она наконец-то перейдет к сути вопроса. Наконец девушка собралась с мыслями и проговорила:

– Я очень переживаю за нашего преподавателя японского языка Юрия Алексеевича Кузьмина. Я посещаю курсы, пытаюсь изучить японский, а он – наш учитель, мы его называем «сэнсэй». Я вас хотела бы нанять для того, чтоб охранять его.

– А с чего вы взяли, что жизни вашего преподавателя грозит опасность? – поинтересовалась я. – Были какие-то случаи, угрозы? Кто-то покушался на его жизнь? Расскажите все по порядку.

– Да, конечно... – Маргарита провела рукой по лбу, убирая челку. – Юрий Алексеевич считается у нас в Тарасове единственным японистом. Он не только ведет курсы, но и преподает в лицее, знает и японский, и китайский, и корейский. Наша группа изучает японский, мне этот язык всегда нравился, я сама пробовала его выучить. Но это очень сложно – я самостоятельно проходила учебник, только проверять себя не могла, ни ответов, ни подсказок нет. Вот и пошла на курсы.

– Вы и летом занимаетесь? – удивилась я. – Странно, у всех каникулы.

– Летом у нас интенсив по разговорному языку, – пояснила Маргарита. – Во время учебного года мы штудируем учебник – теорию, грамматику, кандзи... Ну, иероглифы. И упражнения выполняем. А летом сэнсэй проводит уроки для всех желающих, чтобы те могли просто общаться на разговорном японском. Сейчас мы еще готовимся к фестивалю, который состоится через неделю, у нас сценка будет и мастер-классы по каллиграфии, суми-э и оригами.

– А что за фестиваль? – поинтересовалась я.

– Это ежегодный фестиваль культуры и ремесел, я была на таком пару лет назад, – сказала девушка. – Проще говоря, толпа народу выезжает на турбазу, кто-то ставит палатки, и три дня проходят различные мероприятия. Сейчас летние фестивали довольно популярны, это возможность и отдохнуть на природе, и узнать что-то новое. Я боюсь, что во время мероприятия на сэнсэя могут напасть или как-то навредить ему. Просто за последнее время происходило несколько очень странных вещей, и я думаю, это не случайность и не чья-то шутка.

Маргарита остановилась и повернула голову – официантка принесла две чашки черного кофе. Мы поблагодарили и поставили напитки на столик.

– Для начала коротко расскажу про то, как проходят наши летние занятия, – проговорила она, сделав маленький глоток из чашки.

Я последовала ее примеру. Кофе оказался крепким и немного горьковатым на вкус, совсем как я люблю. По всей видимости, моя собеседница частенько навещала в эту кофейню, я сделала вывод, что она всегда заказывает именно этот кофе и качеством напитка вполне довольна.

– Сначала мы учим разные слова и выражения, потом составляем диалоги или короткие рассказы о себе, – продолжала девушка. – Урок длится полтора часа, а после мы репетируем маленькую пьесу по мотивам японской мифологии. Сэнсэй сам составил сценарий так, чтобы в сценке были задействованы все ученики. Так как на уроки приходят часто новые люди, приходится импровизировать и придумывать новых персонажей. Но сейчас осталось не так много учеников, и мы просто повторяем пьесу, чтобы хорошо выступить. У сэнсэя богатый опыт в организации различных мероприятий, посвященных искусству, культуре Востока, – он заинтересован в том, чтобы привлечь как можно больше народу к изучению языков, а так как они довольно сложны, необходимо заинтересовывать людей подобным образом. Сам Юрий Алексеевич едва ли не каждый год ездит в Японию, организывает стажировки, приглашает представителей японских школ в Тарасов. На этом фестивале тоже будут присутствовать ученики японской языковой школы по обмену, поэтому мы очень стараемся, чтобы все прошло на высшем уровне.

– Не думала, что у нас японский язык так популярен, – заметила я. – В основном учат английский, с чего вдруг такой интерес к Востоку?

– Я, например, давно увлекаюсь японским языком и культурой, – пояснила Маргарита. – Сначала читала книги японских авторов, потом мне стали интересны обычаи и традиции Японии, менталитет восточного народа. Мировоззрение японцев очень отличается от западного, у них все по-другому, не так, как у нас. Мне очень нравится их отношение к жизни, способность любоваться простыми вещами, видеть красоту в обыденности. Возьмем даже искусство чайной церемонии – это не простое чаепитие, как у нас в России, а нечто более возвышенное и в то же время – не напыщенное, не пафосное... Даже не знаю, как лучше объяснить. Вот у нас, например, люди на застольях обсуждают проблемы, у кого какие заботы, зарплату задерживают. А у японцев всего этого нет. На чайной церемонии люди могут обсуждать изящную форму глиняной старой чашки, наслаждаться утонченным трехстишьем Басе, получать удовольствие от созерцания ветки цветущей сливы... И все это – не наигранно, а на самом деле! То есть когда японец говорит о красоте выглянувшей луны на ночном небе, он искренне думает так, а не просто выставляет напоказ свое чувство прекрасного. Мне тоже захотелось мыслить так, как эти люди, поэтому, возможно, я и занялась изучением японского. Хотя, конечно, трудно во всем сразу разобраться, я не только о языке и огромном количестве иероглифов. Чтобы понимать японскую поэзию, живопись, искусство оригами, нужно, наверно, родиться японцем или очень долго прожить в их стране, о чем я, собственно, мечтаю...

Маргарита осеклась, очевидно, поняла, что разговор отклонился от изначальной темы, и проговорила совсем другим, решительным голосом:

– Евгения Максимовна, я подозреваю, что Юрию Алексеевичу угрожают, причем не просто запугивают, а хотят убить. Недавно случилось два происшествия, прямо на уроках, которые сильно меня беспокоят...

– Вот с этого места поподробнее, – попросила я. – Расскажите все, что помните, важны любые, даже самые незначительные, мелочи.

– Первый случай произошел на той неделе, кажется в среду, – Маргарита потерла рукой лоб, словно восстанавливая в памяти важный, по ее мнению, эпизод. – Мы составляли диалог

с выученными словами – надо было описать предметы, находящиеся в аудитории. Кабинет, где проходят занятия, напоминает своего рода маленький музей, посвященный Японии. У сэнсэя богатая библиотека книг японских авторов – несколько стеллажей занимает художественная литература, есть разговорники, справочники и даже путеводители по Японии. На учительском столе стоят красивые куклы – подарки, преподнесенные сэнсэю во время его поездок по Японии. Есть даже настоящие кимоно – нам их дадут надеть на выступление. Отдельную полку занимают фигурки оригами, сделанные учениками Юрия Алексеевича и им самим. Картин тоже много, они выполнены в жанре суми-э. Суми-э – это живопись черной тушью, очень популярная в Японии. Ну и все в таком роде. Зонтики, веера, фонарики, маски... В первый раз, когда я пришла на урок, долго все рассматривала, даже хотела книги почитать, но их нельзя забирать домой. На занятии мы выучили слова, обозначающие предметы, и на бумажке писали фразы для диалога – вопросы в основном. Сэнсэй что-то смотрел в словаре – иногда кто-нибудь спрашивает незнакомое слово, и Юрий Алексеевич, если не знает, как это будет по-японски, не стесняется заглядывать в словарь. Напротив, он нам всем советует постоянно пользоваться словарем, хотя это довольно сложно. Иероглифы ведь имеют ключи, и их находят, только если знают, какой ключ соответствует незнакомому слову.

Вдруг в дверь постучали, и вошел человек из службы доставки. Молодой такой парень в фирменной футболке – не почтальон, конечно, но что-то в этом роде. Он извинился за беспокойство и сообщил, что пришла посылка на некоего Кузьмина от неизвестного отправителя. Никто на это внимания не обратил – сэнсэю часто приходят посылки из Японии, поэтому мы даже не посмотрели на служащего доставки. Сэнсэй поблагодарил молодого человека и поставил серую коробку на стол. Наверно, он не ожидал ничего такого, поэтому открыл посылку прямо при нас. Мне было интересно, к тому же я сижу на первом месте от преподавательского стола, поэтому рассмотрела сверток во всех деталях. В белую шелковую ткань был завернут какой-то плоский овальный предмет. Остальные ученики тоже заинтересовались и даже отложили тетрадки – ведь если посылка из Японии, наверняка она представляет собой нечто интересное. Сэнсэй аккуратно развязал голубую шелковую ленточку и вытащил маску – не какую-нибудь карнавальную, а самую что ни на есть настоящую. Я видела японские маски, которые надевают актеры театра но и кабуки в Эрмитаже, поэтому немного в них разбираюсь. Маска изображала большого человека с красным лицом, глазами навывкат и бородой. На голове его я разглядела очертания короны с иероглифом «царь». Подобной маски в Эрмитаже нет, но я интересовалась театром в Японии и сразу узнала, что это – бог – властитель мертвых Эмма. Его также называют великий царь Эмма. По японским легендам, он управляет демонами и стражниками с головами лошадей, и когда человек умирает, он предстает перед богом мертвых Эммой, и тот решает его участь. К примеру, если умерший грешил и убивал, Эмма бросает его в кипящий котел с расплавленным металлом, а если грешник совершал паломничество к святыням богини милосердия Каннон, ему прощаются все злодеяния. Но по большей части бог Эмма является злым правителем подземного царства.

– Странный подарок, – заметила я. – Маска-то, может, и ценная, но выбор бога, которую она изображает, мягко говоря, вызывает удивление...

– Вот-вот, – кивнула Маргарита. – Сэнсэй и виду не подал, что удивлен, но от комментариев воздержался. По нему было видно, что маску он не заказывал, и то, что ее ему принесли, оказалось для Юрия Алексеевича полной неожиданностью. Он велел нам продолжать готовить диалоги, а сам убрал маску в ящик. Только мне совершенно было не до урока – почему-то посылка произвела на меня гнетущее впечатление. Как бы поточнее объяснить... Понимаете, Евгения Максимовна, логически это вряд ли можно понять, но и маска, и обстоятельства, при которых она появилась в аудитории, казались зловещими и не предвещали ничего хорошего. После урока и репетиции я попыталась было расспросить сэнсэя, что он думает о посылке, но

Юрий Алексеевич дал мне понять, что к занятиям она не имеет никакого отношения. Проще говоря, он тактично намекнул мне, что это не мое дело.

– История, как я понимаю, имеет продолжение? – поинтересовалась я. – Вы говорили, случилось несколько подобных происшествий?

– Именно так, – подтвердила Маргарита. – И это самое продолжение наступило на следующий же день. Как всегда, в два часа дня начиналось очередное занятие. Сэнсэй всегда немного опаздывает на уроки – он перед парой заходит в столовую напротив здания, где находится языковой центр, и мы частенько его ждем. Но дольше, чем на десять минут Юрий Алексеевич не задерживается, мы даже собирались все приходиться в начале третьего, чтоб не ждать. Сэнсэй быстро прошел к аудитории, поздоровался с нами на японском языке и открыл дверь. Я положила сумку на стол и стала доставать тетрадку, как вдруг заметила, что на столе Юрия Алексеевича лежит белый конверт. Вчера его не было, и насколько я знаю, никто, кроме нашей группы, сейчас в аудитории не занимается. Сэнсэй тоже увидел конверт, и было видно, что он удивлен не меньше моего. Он взял в руки послание, повертел, пожал плечами – вроде непонятно, от кого и как оно сюда попало. Мне показалось, что ничего хорошего в конверте быть не может – особенно после вчерашней посылки. Остальные ученики тоже смотрели с любопытством, сэнсэй даже не велел нам открывать тетради, так как был заинтригован, как и мы. Он распечатал конверт и вытащил открытку. Я разглядела, что на ней нарисован довольно унылый пейзаж – на мрачно-сером фоне темно-желтые колосья и скрюченное дерево, на котором осталось несколько пожухлых листочков. Скорее всего, художник изобразил позднюю осень, безрадостную и гнетущую. Сэнсэй перевернул открытку и погрузился в чтение. Я поняла, что надпись на японском языке – Юрий Алексеевич несколько раз посмотрел в словарь. Мне было очень интересно увидеть, что написано на обратной стороне рисунка, но я не могла проявить подобную наглость и заглянуть в послание, а сэнсэй вслух не прочел его. Очевидно, он перевел надпись и положил открытку на стол. Мне удалось улучшить момент, когда Юрий Алексеевич ненадолго вышел из кабинета набрать воды, и я подсмотрела в открытку. И в самом деле, надпись была на японском – я быстро сфотографировала ее на телефон, вот...

Маргарита вытащила мобильник и нажала на кнопку просмотра снимков, после чего протянула его мне. Я увидела плохого качества фото белой бумаги с какими-то прямыми закорючками-иероглифами. Несмотря на мои обширные познания иностранных языков, японским я свободно не владела, поэтому для меня фотография не несла никакой информации. Я вернула мобильник Маргарите.

– Дома я кое-как перевела послание, – сообщила мне девушка. – Это трехстишие какого-то японского поэта. Не знаю, как в оригинале, но перевод звучит примерно так:

«Поздней осенью
Так печальны
Кладбища в Исэ».

– Не очень жизнерадостно, – хмыкнула я. – А фото картинку у вас нет?

– Я не решилась перевернуть открытку, – покачала головой девушка. – Чтоб никто из одногруппников не подумал, будто я лезу не в свое дело... Пришлось сделать вид, что куклу сувенирную фотографирую. Сэнсэй, естественно, ничего не сказал насчет открытки, продолжил занятие. Если это важно, то мы проходили тему «Погода». После записи новых слов и нескольких иероглифов – в японском они называются «кандзи», я уже говорила, – нам теперь надо было составить короткие рассказы про летнюю, осеннюю, зимнюю и весеннюю погоду. На это давалось пятнадцать минут, после чего требовалось прочитать, а лучше рассказать свои сообщения. Когда до меня дошла очередь, я рассказала про осень – описала на японском языке картинку, изображенную на открытке. Никто из учащих не понял моего намека, зато сэнсэй,

как мне показалось, немного занервничал, но взял себя в руки. Я это сделала для того, чтоб еще раз убедиться, что открытка, как и маска бога смерти, для Юрия Алексеевича – полная неожиданность. Он, конечно, попытался обратить все в шутку – сказал что-то про красоту ранней осени в Японии, вроде там красивые пейзажи, даже живописнее, чем в России. Только пусть думает, что может провести остальных студентов, а я сразу поняла, что сэнсэй встревожен. Лично мне кажется, что оба эти случая связаны между собой. И посылка, и стихотворение предназначались именно Юрию Алексеевичу, а не кому-то из его учеников. И оба послания так или иначе затрагивают тему смерти и загробного мира.

– Может, кто-то и правда решил подшутить? – предположила я, сама не веря в подобную догадку. – Сейчас полно молодежи увлекаются анимэ, насколько я знаю, пользуется успехом «Тетрадь смерти». Возможно, кто из учеников и возомнил себя персонажем этого, скажем, японского триллера?

– Вы верно заметили, в основном люди интересуются только японскими комиксами и фильмами, – согласилась со мной Маргарита. – Да и сам сэнсэй поощряет косплееров – ну, тех, кто участвует во всяческих шествиях, перевоплощаясь в персонажей своих любимых анимэ. Только в нашей группе таких ненормальных фанатов нет – конечно, школьники идут на курсы по большей части потому, что хотят смотреть фильмы в оригинале, но некоторые мечтают переехать в Японию. Была у нас одна девушка, которая просто бредила японскими сериалами – вроде «Наруто», «Сказки о хвосте феи» и прочими. Но она долго не проучилась – поняла, что изучать японский язык – это не развлекательные анимэ смотреть, ей быстро наскучили упражнения и диалоги, и она перестала ходить. Хотя сэнсэй к ней по-прежнему хорошо относится, он человек толерантный, несмотря на то, что уже пожилой. Понятия не имею, сколько ему лет – но энергии в нем хоть отбавляй. Ума не приложу, как здоровья хватает не только целыми днями преподавать, но еще и организовывать всяческие мероприятия. Везде, где дело касается Японии, сэнсэй принимает живейшее участие. Честно говоря, я никогда не встречала столь активного человека. Представляете, во время учебного года у него нет ни одного выходного! Даже в воскресенье – группа по японскому языку и курсы флористики. И летом вот с нами занимается...

– А семья-то у него есть? – поинтересовалась я. – Жена, дети? Если он уже немолодой, судя по вашим словам.

– Насколько я знаю, Юрий Алексеевич не женат, а детьми своими считает учеников японского языка. Где он живет в Тарасове, мне тоже неизвестно, но думаю, дома он особо не сидит. В лучшем случае ночует, а с утра до позднего вечера – весь в работе.

– Кроме этих двух случаев, странных посылок, других угроз сэнсэю не было? – уточнила я.

Маргарита отрицательно покачала головой.

– Странно, – протянула я задумчиво. – Если кто-то хочет убить вашего сэнсэя, почему бы это не сделать, когда он находится в одиночестве, скажем дома? Предполагаемый злоумышленник посылает угрожающие послания в аудиторию, где проходят занятия. Не легче ли подкараулить Кузьмина поздно вечером, когда он возвращается с работы, и спокойно отправить его на тот свет? А вместо этого преступник или злой шутник работает на публику – не боится угрожать сэнсэю в присутствии других людей. Логично предположить, что цель нашего невидимки – запугать Кузьмина, а не убить его сразу.

– Я сама понятия не имею, зачем все это, – проговорила рассеянно Маргарита. – Вы правы, сэнсэй не пользуется услугами телохранителя, личного водителя у него тоже нет. Я как-то возвращалась с ним и Александром, который тоже ходит на курсы, из музея на автобусе. То есть проследить за Юрием Алексеевичем и напасть на него труда не составит. А вот посылать стихи на японском и недешевую маску бога смерти из Японии – совсем другое дело. Евгения Максимовна, я очень переживаю за сэнсэя. А особенно боюсь предстоящего фестиваля – мне

кажется, там должно случиться нечто жуткое... Не знаю, откуда у меня это ощущение, было бы гораздо лучше, если б это было мое разыгравшееся воображение, а посылки – действительно розыгрыш. Вот только если мои опасения подтвердятся, я ни за что не прощу себе, что не помешала этому, не предотвратила... Вы можете помочь мне? Я знаю, сколько стоят ваши услуги, конечно, мне будет накладно, но я очень уважаю сэнсэя и не хочу, чтобы с ним что-то случилось.

– То есть вы хотите, чтобы во время вашего фестиваля я следила за Кузьминым и охраняла его? – подытожила я. Девушка согласно кивнула.

– Мероприятие начинается уже в эту пятницу, – сообщила мне Маргарита. – Днем – заезд, во сколько, еще неизвестно. В воскресенье фестиваль заканчивается, наше выступление – я имею в виду сценку – назначено на субботу. Но и в пятницу, и в субботу, и в воскресенье в «Японском квартале» – так называется наш палаточный лагерь, посвященный культуре и искусству Японии, – будут проходить различные мероприятия. Я уже говорила, мы собираемся проводить разнообразные мастер-классы, но точного расписания пока нет.

– Как я понимаю, на фестиваль может поехать любой желающий? – уточнила я. – Мне только надо узнать контакты организатора, чтобы зарегистрироваться и попасть на эту вашу турбазу.

– Да, номер телефона Кали, то есть Жанны, Кали – это псевдоним, – у меня есть, – кивнула Маргарита. – Боюсь только, не все так просто. «Японский квартал» – это обособленный палаточный лагерь, но в нем будут проживать только участники японских мероприятий и студенты из Японии. Другие гости фестиваля могут посещать мастер-классы и уроки, смотреть постановку, но жить будут отдельно, в палатках или домиках. Но чтобы охранять сэнсэя, вам нужно каким-то образом находиться в «Японском квартале»!

– Не вижу в этом никаких сложностей, – пожалала я плечами. – Вы ведь говорили, что сэнсэй учит японскому языку всех желающих? Нельзя ли попросить его как-то записать меня на уроки? Скажете, что я ваша знакомая, которая пожелала изучить язык Страны восходящего солнца, вот и все дела. Да и на аудиторию, в которой происходят всякие загадочные вещи, я не прочь взглянуть.

– Действительно, идея замечательная! – оживилась Маргарита. – Я скажу Юрию Алексеевичу, что вы – моя подруга, интересуетесь Японией и хотите принять участие в спектакле! Вот только... не знаю, как у вас получится, ведь на уроках учить много придется. Мне-то легко, я весь год курсы посещала, поэтому знаю некоторые иероглифы, и то не скажу, что много. А человеку с нуля будет непросто...

– Об этом можете не беспокоиться, – заверила ее я. – Ко всему прочему у меня феноменальная способность к изучению иностранных языков. Я даже как-то пробовала зарабатывать репетиторством. Не скажу, что в совершенстве знаю восточные языки, но запоминаю очень быстро и надолго. Так что можете спокойно говорить обо мне вашему сэнсэю, он даже не подозревает, что я преследую иную цель помимо изучения японского.

– Правда? – округлила глаза Маргарита. – Никогда бы не подумала, что телохранители свободно владеют иностранными языками... я-то полагала, что вы в основном на единоборствах, стрельбе специализируетесь.

– Это само собой! – заверила я ее. – Хороший телохранитель – это не просто головорез, приставленный, как тень, за вверенным ему «телом». Я всегда стараюсь предотвратить покушение на жизнь человека, а для этого следует выяснить, кто и почему желает ему зла. Такая у меня методика ведения дел.

– Мне кажется, это весьма разумно! – согласилась со мной Маргарита. – Тогда я расскажу про вас Юрию Алексеевичу, думаю, он с радостью согласится видеть вас на занятиях!

Мы договорились, что Маргарита после разговора с сэнсэем сразу же перезвонит мне и сообщит о результатах беседы. В кафе дозвониться до преподавателя не удалось – точнее,

трубку он взял, но коротко сообщил, что занят, и попросил перезвонить позже. Вечером, когда я уже давно была дома, раздался звонок – звонила Маргарита. Она радостно известила меня, что Юрий Алексеевич ждет новенькую ученицу завтра, в два часа – на очередном уроке и последующей репетиции.

Глава 2

Во вторник без десяти минут два я припарковала свой «Фольксваген» рядом с высоким зданием, где находился языковой центр «Лингва». Маргарита говорила, что на первом этаже сидит вахтер, но документы брать с собой не нужно – достаточно сказать, что я направляюсь в пятьсот девятую аудиторию на урок японского языка. Я последовала ее совету, и женщина средних лет в очках без лишних вопросов пропустила меня в вестибюль. Я быстро поднялась на пятый этаж по довольно крутой лестнице и сразу увидела в коридоре несколько человек – наверно, то были ученики Кузьмина, ожидающие своего сэнсэя. Я прошла мимо кофейного автомата – надо же, и тут поставили кофемашину! – и подошла к кабинету с табличкой «509». Поздоровалась с остальными учениками – всего было пять человек: три девушки, среди которых я узнала Маргариту, и двое парней. Точнее, второй представитель мужского пола был гораздо старше остальных студентов – на вид ему было лет сорок, не меньше. Он был одет в легкую клетчатую рубашку с короткими рукавами и обычные повседневные джинсы. Внешность непримечательная – не худой и не толстый, лицо самое обычное. Не красавец и не урод, одним словом. Второму парню было не больше восемнадцати лет, этакий смазливый красавчик с женоподобными чертами лица и волнистыми волосами. Одна из девушек показалась мне студенткой какого-нибудь университета, она выглядела взрослее второй барышни, возможно из-за очков в прямоугольной оправе. У нее были довольно широкие бедра, массивные ноги и немного полное лицо с прямыми, резкими чертами. Другой девушке было лет пятнадцать. При взгляде на нее я сразу поняла, что передо мной – поклонница творчества Хаяо Миядзаки и других японских мультипликаторов. На девушке была надета короткая клетчатая юбка, белая блузка, декоративный галстук и высокие полосатые гольфы. Длинные волосы ученица сэнсэя причесала на манер японских школьниц, заколов их в два хвоста. Маленькая квадратная сумочка девушки была вся нашпигована значками с изображениями персонажей популярных японских анимэ. Я смотрела пару полнометражек Хаяо Миядзаки и ту самую «Тетрадь смерти», о которой мы вчера разговаривали с Маргаритой, – чисто для ознакомления с творчеством восточных режиссеров. Не скажу, что была в восторге – что называется, посмотрела и забыла. Хотя «Тетрадь смерти» показалась мне неплохой вещью, но не настолько, чтобы восторгаться ею. Ума не приложу, почему все больше молодежи так подсаживаются на японские анимэ...

– Я Женя, – сочла я нужным представиться. – Я полагала, к сэнсэю на уроки больше народа ходит.

– Вначале нас и правда много было, – заметила полная девушка в очках. – Правда, некоторые приходили на одно занятие, потом лето на дворе, у кого-то экзамены, у кого-то каникулы и поездки всякие... А, меня Катя зовут.

– А я Лена, – сказала «анимэшница» с хвостиками. Маргарита тоже назвала свое имя. Великовозрастного студента звали Александр, а смазливого паренька – Дима. Пока проходила наша процедура знакомства, в коридоре возникла низенькая шуплая фигурка человека лет шестидесяти, одетого в серый строгий костюм. Я сразу догадалась, что это и есть сэнсэй – он шел очень быстро, его движения казались энергичными, и в целом он производил впечатление бойкого и активного человека. У него было продолговатое узкое лицо, довольно большие лоб и рот и практически полное отсутствие растительности на голове. Но в целом внешность сэнсэя не производила отталкивающего впечатления – просто он был не похож на других людей, не красавец, конечно, но я и не видела по-настоящему привлекательных пожилых мужчин или женщин.

Кузьмин быстро посмотрел на меня, я снова назвала свое имя. Его и без того широкий рот расплылся в длинной улыбке. Чем-то его лицо сейчас напоминало голову лягушки, подумалось мне. Я улыбнулась в ответ, и мы всей гурьбой вошли в аудиторию.

Маргарита оказалась права – кабинет и впрямь больше походил на музей, а не на учебный класс. Прямо по ходу дверных косяков возвышались красные ворота из папье-маше – так называемые тории, весьма популярные в Японии. Их можно увидеть на первой попавшейся картинке в Интернете, если искать изображения архитектурных памятников Страны восходящего солнца. Тории украшал большой иероглиф из двух символов, но что он означает, я не знала. В центре помещения находился большой стол, очевидно для учащихся, к нему вплотную была придвинута преподавательская парта. На столе учителя стояли самые разнообразные сувенирные куклы, изображающие гейш, самураев, щекастых японских детей, персонажей японских сказок. На стене висела большая доска, естественно не старая, школьная, а современная, на которой пишут маркерами. Остальные стены были завешаны картинами, в основном черно-белыми, выполненными тушью. Изображения на рисунках были самые разные, в основном пользовались популярностью цветы, животные и птицы. Имелось и несколько репродукций картин японских художников, насколько мне позволяла определить моя эрудиция, то были работы Хокусаи или Хиросигэ. В большом книжном шкафу я увидела невероятное количество книг японских авторов как древних, так и современных. Имелись даже сборники японских комиксов – манга, как они называются. Некоторые книги были посвящены японскому искусству, в частности внимание привлекал большой красочный том о живописи суми-э. Нижняя полка книжного шкафа была отведена под фигурки оригами, изображающие не только популярных журавликов, но и других представителей флоры и фауны. Верхний стеллаж был заставлен круглыми бумажными фонариками, а центр стены занимала большая сувенирная катана.

Другой шкаф, поменьше, был целиком посвящен искусству чайной церемонии. Я разглядела не только посуду, включавшую в себя самые разнообразные чашки, чайники, венчики, ложки, но и упаковку настоящего зеленого японского чая и какие-то восточные наборы сладостей. На стенку шкафа были прикреплены разнообразные японские маски, изображавшие богов, героев, обычных людей и животных, а внизу находились раскрытые зонтики и большие веера, украшенные изображением природы, деревьев, цветов и, конечно же, иероглифами. Даже удивительно, как все это помещалось в такую маленькую аудиторию, не создавая впечатления нагроможденности и беспорядка. Нет, каждой вещи было отведено собственное подходящее место, четкий порядок ничем не нарушался, и действительно предметы можно было рассматривать как в каком-нибудь музее.

– Красиво! – заметила я, обращаясь к Кузьмину. Тот ответил своей широкой улыбкой и пояснил:

– Корэ ва кёсицу дэс, – после чего перевел: – Это аудитория. Во время наших занятий мы стараемся говорить исключительно на японском языке, чтобы создавать языковую среду. Поэтому если что будет непонятно, спрашивайте. О-намаэ ва? Как ваше имя?

– Женя...

В японском языке буквы «ж» не имелось, ровно как и буквы «л», поэтому сэнсэй переименовал меня в Евгени-сан. Лена звалась Рэна-сан, Кате и Маргарите повезло больше – к их имени просто прибавлялось слово «сан», которое подчеркивало вежливое обращение. Александра все называли Арэкс-сан, имя Дима избежало подобных трансформаций. После того как все мы расселись (я заняла место рядом с Ритой-сан) и вытащили тетради и ручки, Кузьмин объявил тему нынешнего занятия – «Японская еда».

– На фестивале мы будем готовить исключительно японские блюда, – пояснил сэнсэй на русском языке. Запишите новые слова: «кудамоно» – фрукты, «ясай» – овощи, «гохан» – рис...

Подсматривать в тетрадку к Маргарите оказалось делом бесплывовым – новые слова она записывала не русскими и даже не английскими буквами, как остальные, а японскими.

Девушка пояснила, что новых иероглифов она не знает, а пишет все на слоговой азбуке хирагане.

– У японцев две азбуки, – пояснила она шепотом. – Одна – «хирагана» – для записи японских слов, а более схематичная, «катакана», – для заимствованных. Когда не знаешь иероглифов, можно записывать слова слогами, я так делаю, чтобы не забыть написание слогов. Ты можешь писать слова русскими буквами, так делают Лена и Дима.

Мы записали порядка тридцати новых слов – самых разных наименований овощей и фруктов, после чего Кузьмин велел составить несколько предложений с описанием, что кто ест на завтрак, обед и ужин. Мне, как новенькой ученице, сэнсэй вкратце объяснил правила составления простых предложений, зная которые можно легко разговаривать на любые темы. Конечно, с такими знаниями никакого красивого рассказа не составишь – так, мое сообщение в переводе на русский выглядело примерно так: «Я фрукты люблю. Овощи ем. Яблоко красное, огурец зеленый, перец желтый ем. Рис белый, хорошо. Мама хорошая». Однако когда я вслух огласила сей опус, сэнсэй пришел в полнейший восторг – два раза сказал на японском какое-то слово, может означющее «хорошо», может – «молодец». Я не стала вдаваться в подробности – и так понятно, что Кузьмин моим рассказом весьма доволен. Длиннее всех сообщение было у Маргариты, скорее всего, она считается лучшей ученицей в группе. Я поняла, что девушка накатала целое сочинение про то, как она питается по утрам и вечерам, дополнив его описаниями каких-то блюд. А вот у Рэны-сан и Димы-сан дела обстояли куда хуже. Анимэшиница с трудом прочитала одну-единственную фразу про красные яблоки, а Дима вообще воздержался, заявив, что ничего написать он не успел. Сэнсэй немного опечалился, кое-как заставил смазливового парня произнести что-то банальное на японском, после чего переключил свое внимание на других учеников. Было видно, что Маргарита на уроках скучает – она быстрее других осваивала новый материал, в два счета составляла предложения, а в оставшееся время записывала что-то на японском, может, таким образом заучивала новые слова, а может, сочиняла рассказ. Когда сэнсэй давал очередное задание, девушка шепотом рассказывала мне грамматические правила, дала даже табличку с аккуратно переписанными из учебника слоговыми азбуками. Дабы изобразить бурную деятельность, я переписала таблички к себе в тетрадь. Все равно пока ничего интересного для меня на уроке не происходило, а изучать иностранные языки я всегда любила и быстро втянулась в постижение премудростей японского.

Полтора часа учебного занятия пролетели незаметно – я взглянула на часы, когда сэнсэй сказал, что на сегодня урок закончен. Что ж, кроме того, как сказать по-японски слова «огурец», «яблоко» и прочие наименования съедобных продуктов, я ничего не узнала. Разговаривать на уроке получилось только с Маргаритой, об остальных учениках сэнсэя я ничего, кроме их имен, не выведала. Если принять за факт предположение девушки, что Кузьмину кто-то желает смерти, то вряд ли кого из студентов можно считать возможным злоумышленником. Действительно, с какой стати Кате, Лене или Диме ненавидеть сэнсэя? Не доросли они еще до возраста жестоких убийц, хотя маньяки встречаются и среди подростков. Но пока я не придумала, кого все-таки можно подозревать. Может, Александра? Он – самый старший ученик и, как я поняла за прошедшие полтора часа, довольно замкнутый в себе и неразговорчивый товарищ. Надо как-нибудь попробовать с ним пообщаться. Дима и Лена – весьма бестолковые ученики, даже человек, который пришел в первый раз на занятие, уже худо-бедно может при желании изъясняться банальными фразами. А эта парочка даже двух слов связать не может. Вопрос, чем они вообще занимаются на уроках? И для чего ходят, раз не даются им иностранные языки?

Неожиданно сэнсэй обратился ко мне – не на японском, а на русском.

– Женя, у нас сейчас будет репетиция спектакля. Насколько я знаю, вы собираетесь ехать на фестиваль, как сказала Рита?

– Да, я очень хотела бы! – заявила я. – Узнала, что у вас будет «Японский квартал», а я очень интересуюсь не только японским языком, но и культурой и искусством этой страны. Поэтому и собираюсь поехать!

– Если хотите, можете остаться на репетицию! – милостиво разрешил мне Кузьмин. – Дадим вам какую-нибудь роль, выступите!

– Я с радостью! – тут же заверила сэнсэя я. – Только я ведь в первый раз пришла на занятие, вдруг не справлюсь?

– Справитесь! – заявил Кузьмин. – У вас есть способности к языкам, это сразу видно. Вы владеете английским или каким другим иностранным языком?

– Ну, свободно говорю на английском, французском, немецком, неплохо знаю испанский и итальянский. . . – огласила я неполный перечень своих познаний. Сэнсэй довольно улыбнулся.

– Да вы, я смотрю, настоящий полиглот! Уверен, если будете посещать занятия, то и японский освоите! Язык, конечно, сложный, но интересный. Память у вас хорошая, нужно только придумать свою собственную систему запоминания кандзи. Я не даю никаких рекомендаций, потому что каждый человек запоминает иероглифы по-своему. Кто-то пишет карточки, кто-то использует метод ассоциаций, Рита вот предложения с новыми иероглифами составляет. Летом у нас интенсив, так сказать, на благотворительной основе. Вы ведь не с первого занятия пришли, поэтому можете посещать уроки бесплатно. Если надумаете учить японский язык с осени, посмотрите на сайте, сколько стоит семестр. Пойдете в первую группу, вместе с Димой и Леной. Остальные ребята будут посещать уроки в другие дни, у них второй год обучения. В общем, милости просим в наш языковой центр!

Я поблагодарила сэнсэя за столь подробную информацию и осталась на репетицию. Пока остальные студенты стояли в очереди у кофейного автомата – всем захотелось перед сценкой выпить кофе, – я изучала предметы в аудитории. Однако среди масок описанную Маргаритой маску бога смерти я не увидела – в основном они изображали людей, стариков, две – животных. Маргарита пояснила, что лисица и енот в традиционных японских сказках – самые популярные персонажи. Лисица, а по-японски – «кицунэ» – оборотень, которому покровительствует богиня Инари. В японской мифологии кицунэ – отрицательный персонаж, который пьет человеческую кровь и убивает людей, однако во многих сказках главный герой всегда побеждает оборотня. Енот «тануки», а правильно сказать енотовидная собака, в разных легендах и сказаниях выступает в различных ролях.

Так, в одной популярной сказке тануки – главный злодей, который убивает старуху и варит из нее суп. Но в традиционных преданиях енотовидная собака – покровительница торговли, которая, вдобавок ко всему, не прочь полакомиться сакэ. Именно благодаря ей получается очень вкусная рисовая водка, и у японских виноделов существует традиция хранить статуэтку тануки.

Девушка предположила, что сэнсэй не пожелал вешать маску бога Эммы на всеобщее обозрение – к чему эта излишняя мрачность? Не увидели мы с ней и открытки – вероятно, Кузьмин забрал ее домой или положил в стол. Попутно я незаметно поставила в аудитории «жучки» – на всякий случай, вдруг во внеучебное время в кабинет кто-нибудь пожалует? Да и так я всегда пользовалась прослушками, и «жучки» редко меня подводили.

Наконец наступила репетиция. Сэнсэй коротко объяснил мне, что за основу спектакля взят японский миф о боге Сусаноо-но-Микото, чье имя переводится как «Порывистый молодец». Сценка повествует об одном из подвигов этого бога, который мне чем-то напомнил древнегреческого Геракла. Правда, предыстория у этих двух персонажей была разная – так, японский Сусаноо, как для удобства его называют, сперва поссорился со своей старшей сестрой, богиней Аматаэрасу. За это его сослали на Землю из Небесного Царства, по-японски – «Такамагахара», где бог-герой и совершил множество замечательных подвигов. В частности, Сусаноо убил восьмиглавого героя Ямато-но-Ороти, а из его хвоста достал три символа император-

ской власти, к коим относятся меч Кусанаги, зеркало и драгоценная яшма. Все эти регалии бог отдает Аматаэрасу, и та прощает его, позволяя вернуться в Небесное Царство.

Кузьмин распределил роли между учениками таким образом, чтобы наиболее сложные достались самым толковым студентам, то есть Маргарите и Александру. Маргарита играла главную богиню японского пантеона богов Аматаэрасу, а Александр – ее младшего брата Сусаноо-но-Микото, ключевого персонажа сценки. В спектакле герои не просто разговаривали по-японски, но и танцевали и даже играли на музыкальных инструментах. Так, анимэшница Лена играла придуманную сэнсэем роль весенней бабочки, спутницы Аматаэрасу. Бабочка танцевала танец с веером и играла на флейте в промежутки между основными действиями. Кузьмин пояснил, что в японских постановках важное место уделяется персонажам, играющим стихии, птиц, животных, даже погоду, – к примеру, в одном спектакле актер изображал дождь со снегом.

– Тогда я, пожалуй, сыграю роль драгоценной яшмы! – усмехнулась я. – Буду лежать на травке и ждать, пока этот ваш главный бог убьет злодея и найдет меня в его хвосте!

Шутка показалась удачной почти всем, кроме Александра. Студенты вместе с сэнсэем весело расхохотались, тогда как мужчина даже не улыбнулся. Чрезвычайно мрачный персонаж, определила я про себя. Со временем надо понять, что он собой представляет...

Сегодняшняя репетиция затянулась надолго – Кузьмин настоял на том, чтобы полностью пройти сцену ссоры Аматаэрасу с Сусаноо-но-Микото.

– Это – один из самых ключевых эпизодов, – пояснил сэнсэй. – От сцены ссоры зависит весь успех спектакля. Рита-сан, постарайтесь говорить с выражением – нужно, чтобы люди, которые не знают ни единого слова на японском языке, поняли, что происходит. Арэкс-сан, вам нужно добавить больше эмоциональности. Представьте, что вы с Ритой-сан и в самом деле ссоритесь, наверняка вы будете разгневаны и рассержены. Поэтому изобразите свои чувства как можно красноречивее...

Весь последующий час Кузьмин заставлял Маргариту с Александром повторять заученную речь раз за разом. Сэнсэю постоянно что-то не нравилось – то Аматаэрасу вела себя слишком наигранно, то Сусаноо-но-Микото казался неестественно спокойным. Даже я устала наблюдать за сценкой, несмотря на то что привыкла заниматься и куда более скучными вещами. А что говорить про остальных учеников! Лена уткнулась в свой телефон и, как мне кажется, преспокойно смотрела в наушниках какое-то анимэ, Катя о чем-то беседовала с Димой, и только Кузьмин проявлял к сценке искренний интерес. Я же больше наблюдала за преподавателем, как он показывал, с каким выражением нужно говорить фразы. Уж он наверняка мог бы полностью разыграть в одиночку весь спектакль! Похоже, сэнсэю нравилась эта японская легенда, и он хотел, чтобы миф понравился как остальным ученикам, так и зрителям фестиваля.

Наконец Кузьмин сжалился над несчастной Маргаритой и Александром, которые порядком устали от репетиции. Мельком взглянув на часы, сэнсэй объявил, что на завтрашней репетиции будут задействованы все актеры, в том числе и я. Немного рассказав про мою предполагаемую роль – то ли мне предстоит изображать попутный ветер, то ли какую-нибудь японскую букашку, – преподаватель сказал, что ждет нас всех завтра к двум часам на урок. Я подождала Маргариту, пока та сложит вещи, и мы вместе направились к лестнице.

– Ну, что вы думаете исходя из сегодняшнего дня? – поинтересовалась у меня девушка, когда мы спускались на первый этаж. – Есть какие-нибудь соображения?

– Пока я собираю информацию, – сказала я. – Маргарита, скажите, а вы хорошо знаете тех учеников Юрия Алексеевича, которые присутствовали сегодня на уроке? Кроме них еще кто-нибудь посещает занятия?

– В последние дни нас только пятеро, – проговорила Маргарита. – Раньше было гораздо больше, а сейчас остались только ученики с курсов. Ну и двое новеньких, Лена и Дима. Они

записались только на летний практикум, но вроде собираются осенью заниматься на курсах. А Алекс и Катя ходили вместе со мной на вечерние занятия, в группе было еще трое учеников, но они на лето разъехались. Оля вроде на дачу, а Оксана и Юля поступают в колледж. Они в одном классе в школе учились и вроде собираются поступать в одно учебное заведение, кажется на иностранные языки. Само собой, на фестиваль они не попадают, к экзаменам готовятся.

– То есть Александр и Катя вместе с вами весь год посещали курсы? – уточнила я. – Вы с ними хорошо общались?

– Не особо, – покачала головой Маргарита. – С Катей в основном задания и упражнения обсуждали, а с Алексом мало кто общается. Он не слишком разговорчивый, все время молчит и на уроках никогда не вызывался прочитывать новые диалоги. Хотя я, несмотря на то что дома все диалоги наизусть учила, всегда старалась читать на занятии. Так произношение тренируется, кроме того, я по большей части самоучка, проверить меня дома некому. И японцев у нас в Тарасове нет, остаются только курсы. Сперва, когда я только начала ходить на вечерние уроки, мне было жутко скучно – я ведь проходила учебник с опережением, пока остальные учащиеся ряды слогов учили, я приступила к изучению иероглифов. Хотела даже бросить занятия, раз больше других знаю, ну или в другую группу перейти, которые второй год учат японский. Один раз даже осталась после нашего урока – второгодники, как я их называю, вечером после нас учатся, но сразу поняла, что к ним мне тоже ходить без толку. Когда я изучала десятый урок, они уже остановились на пятнадцатом. Если вы посмотрите учебник, по которому мы занимаемся, то поймете, насколько я отстала. Это первые пять уроков простые – там даются ряды слоговых азбук и слова для чтения плюс упражнения. Но каждый новый урок, начиная с шестого, намного сложнее предыдущего. Если первые уроки можно выучить быстро – например, я проходила в день по две темы, включая письменные задания, – то шестой урок изучала полтора дня, седьмой – два с половиной, а на десятом прочно застряла. Там тема числительные, и некоторые упражнения настолько сложные, что я их попросту оставляю. Мне кажется, что на изучение последующих уроков будет уходить как минимум неделя, а то и больше. И диалоги куда сложнее – наизусть не могу выучить, в словах путаюсь, вот и приходится рядом русский перевод писать и по нему уже пересказывать.

– Понятно с заданиями, – остановила я Маргариту. Девушке, видать, хотелось кому-нибудь рассказать, как тяжело ей дается изучение японского. Так сказать, затронули наиболее болезненную тему. Но меня совершенно не волновало, как она постигает премудрости восточного языка и сколько часов в день тратит на упражнения. А вот если бы она рассказала побольше про других студентов, в особенности про Александра, мне бы это здорово пригодилось.

– Маргарита, скажите, а вы не спрашивали у других ребят, ну, точнее, учеников сэнсэя, зачем они учат японский? Есть ли у них какая-то цель? Вы, как понимаю, изучаете язык потому, что вас интересует Япония и все связанное с ней. А что касается остальных, мне неизвестно.

– Ну, я учу еще и потому, что хочу поехать в Японию вместе с сэнсэем на стажировку, – сказала девушка. – Пока это только мечта – я никогда не задумывалась о том, чтоб поехать за границу. На это ведь требуется так много денег... У меня нет даже загранпаспорта! Но как-то посмотрела передачу про Киото, древнюю столицу Японии, и решила, что непременно поеду туда, хотя бы на неделю. Ведь главное – поставить цель и стараться добиться ее осуществления. Мне кажется, для человека нет ничего невозможного, мы сами загоняем себя в какие-то рамки и искренне считаем, что выше собственной головы не прыгнешь. Но на самом деле если загадать даже самую, казалось бы, невыполнимую мечту, вселенная, или бог, или кто там еще на небе, услышит наш посыл и будет помогать реализовать ее. Я верю, что если сильно пожелать чего-то, рано или поздно представится возможность, выпадет шанс, который нужно только не упустить... Я даже методику выполнения желания нашла, нужно просто загадать срок, через который оно должно исполниться...

– Ну а другие-то ученики? – снова прервала я словоохотливую девушку. – Александр – он тоже собирается на стажировку в Японию?

– А кто его знает, – пожала плечами та. – По-моему, нет. Вроде он как-то давно говорил, что хотел для общего развития выучить какой-нибудь язык, желательно не очень распространенный. Выбирал между корейским и японским, но ему не понравилась корейская система письменности. Там у них нет иероглифов, а пишут палочками с точками. Так вот, если поставить точку на полмиллиметра ниже или выше, получится совсем другое слово. Поэтому легче выучить японские иероглифы – конечно, их огромное количество, но по крайней мере они хотя бы различаются количеством черт.

– А Катя? Она почему взялась за японский?

– Катя с Леной очень любят японские анимэ и мангу, – пояснила Маргарита. – Лена – та вообще запущенный случай, она косплеем занимается. Мне кажется, ей быстро надоест учить по учебнику и она бросит. А Катя вроде умная, у нее произношение отличное. Слышали, как она читала текст? Я даже спрашивала, как она такое натренировала, может, по записям каким. Правда, она сослалась на большое количество просмотренных японских анимэ. Я-то даже по диску занималась, он к учебнику прилагался, и все равно говорю не так, как хотелось бы. А Катя – ни дать ни взять настоящая японка. Сэнсэй на уроках ее всегда благодарил за чтение диалогов, он тоже в восторге от ее произношения. Ну а Диму не знаю кто сюда засунул. Вроде тоже анимэшник, но делать ничего не хочет, сидит и ворон считает. Юрий Алексеевич сперва пытался как-то на него повлиять, только безрезультатно. Я иногда его заставляю делать задания, вожусь пол-урока, устаю даже сильнее, чем когда иероглифы учу. Сами понимаете, каково это – заставить учить что-то человека, который сам палец о палец не ударит. Но Юрий Алексеевич попросил меня повлиять на Диму, вот и стараюсь...

– Может, вы сами можете предположить, кто из учеников сэнсэя способен на подобные шутки? Вроде стихов о смерти и посылок с масками?

– Честно говоря, я даже не знаю, на кого подумать, – призналась Маргарита. – Дело в том, что маска сама по себе дорогая, а у школьников, вроде Димы или Лены, нет таких денег, чтобы купить ее. Да и вряд ли у нас в Тарасове подобный артефакт можно найти в сувенирных магазинах. А что касается стихотворения, то Дима, Катя и Лена сразу же отпадают. Это ж надо знать иероглифы, чтобы составить подобное трехстишие. Конечно, можно поискать в Интернете, но когда я переводила, никакого стихотворения на подобную тематику не нашла, хотя специально в поисковик забивала. Насчет Александра не знаю, с ним мало кто общается.

– Ладно, посмотрим, что будет дальше... – неопределенно протянула я, имея в виду последующие занятия и фестиваль, которого так опасалась Маргарита. Учеников, как ни крути, надо бы проверить – вдруг они не так просты, как кажутся. Особенно подозрения вызывал Александр, который даже по возрасту сильно отличался от остальных студентов.

Мы попрощались уже на улице – я направилась к своему автомобилю, Маргарита поспешила на автобусную остановку.

На следующий день урок практически не отличался от предыдущего, разве что тема занятия была другая. Теперь мы обсуждали поездки, точнее, весь имеющийся в Тарасове ассортимент транспорта. Сэнсэй дал под запись несколько обиходных фраз – вроде «ехать в автомобиле, автобусе, метро и трамвае». И, как мне показалось, специально для Маргариты продиктовал, как будет по-японски «Собираюсь совершить путешествие по Хоккайдо».

– Теперь составьте рассказ о том, куда вы хотите поехать, скажем, нынешним летом, – велел нам Юрий Алексеевич. – Можете придумать что-нибудь свое, только используйте для сообщений те фразы, которые мы сегодня выучили. Да, это касается в первую очередь Рэнысан и Димысан. Рассказ должен содержать не меньше пяти предложений.

Все студенты, включая меня, принялись за сочинительство. Сэнсэй, как обычно, уткнулся в толстый словарь – может, подыскивал для нас какие-нибудь новые фразы, а может, смотрел значение редкого слова. Я быстро записала очередной опус, достойный руки перво-классника, и принялась наблюдать за остальными учащимися. Маргарита, как всегда, перевыполнила норму – ее сообщение, написанное аккуратными японскими значками, занимало едва ли не целый тетрадный лист. Девушка принялась помогать Диме-сан, который не шибко горел желанием придумывать текст о предстоящих путешествиях. Рэна-сан сосредоточенно искала что-то в телефоне – наверно, у нее имелось нечто вроде приложения, переводящего русский текст на японский, так как девушка время от времени записывала что-то в свою тетрадь. Катя успела справиться с заданием, а чем занимался Арэкс-сан, я не видела – он сидел дальше всех остальных учеников и тоже уткнулся в экран своего мобильного.

– Итак, все готовы? – спросил сэнсэй, когда прошло примерно пятнадцать-двадцать минут. Я взглянула на Маргариту – бедолага из кожи вон лезла, объясняя бестолковому Диме, как правильно составить простейшее предложение. Тот с безучастным видом чертил в тетрадке неведомые закорючки. Сперва я подумала, что это японские знаки, потом до меня дошло, что так он изображает русские буквы. Да, похоже, и с русским языком он не слишком дружит, куда ему еще японский... Общими усилиями они кое-как накорябали две короткие фразы, и Маргарита, устав от подобного неблагодарного дела, утратила весь свой преподавательский энтузиазм. Про себя я порадовалась, что в свое время не стала заниматься репетиторством – а то попался бы мне такой Дима-сан, в которого знания и молотком не вобьешь, вот и думай, что с ним делать. Нет уж, лучше попасть в перестрелку, чем возиться с таким «сокровищем»...

Первой отвечала я – видимо, сэнсэй решил дать Маргарите с Димой еще немного времени, чтобы те осилили хотя бы еще одно предложение. Я быстро пересказала свой текст, практически не заглядывая в записи, и Кузьмин похвалил меня. Рассказ Маргариты оказался раза в три длиннее моего, а предложения девушка составила куда более сложные. Катя продемонстрировала и впрямь великолепное произношение – девушка рассказывала с интонацией, и голос ее походил на тот, которым озвучивают женские роли в популярных анимэ. Вчера я не особо обратила на это внимание, но после слов Маргариты поняла, что Катя и правда каким-то образом натренировала японскую речь. А вот Рэна-сан и Дима-сан по-прежнему не вылезали из своего «болота». Анимэшнице не помог ее телефон – мало того, предложений в тексте оказалось маловато, так еще и составлены они были с огромным количеством грамматических ошибок. Почему-то порядок слов девушка нарушала постоянно, то ли не знала простейших правил, то ли Интернет выдал ей подобный корявый текст. Сэнсэй даже написал на доске схему построения предложения и попросил Лену записать ее в тетрадь. Дима-сан побил все рекорды. Хоть благодаря терпеливой Маргарите в его сообщении не было грамматических ошибок, парень не смог даже прочитать написанное. Кузьмин кое-как заставил Диму прочитать первое предложение, но было видно, что дается сие парню с огромным трудом. Про себя я подумала, что, если смазливый неуч будет участвовать в сценке, лучше ему дать роль без слов. На худой конец, пускай изображает дерево или пенек – с более сложным действием он явно не справится.

Арэкс-сан попросту быстро прочитал свое сообщение – без какого бы то ни было выражения, озвучил несколько фраз и на этом успокоился. Моих скромных познаний японского языка хватило на то, чтобы понять, о чем идет речь в сочинении. Вроде мужчина собирался провести лето в Тарасове и путешествовать по городу на общественном транспорте. Ничего сверхинтересного, зато все новые фразы в рассказе прозвучали. Сэнсэй коротко проговорил «эрай», что означало «хорошо, молодец», и приступил к новому заданию.

Оставшееся время мы тренировались в составлении диалогов, то есть один человек задавал вопрос другому, тот отвечал и по цепочке задавал вопрос следующему ученику. Эта практика благодаря тем же Рэне-сан и Диме-сан затянулась надолго – если остальные студенты

соображали быстро, то парочка «незнаек» ничего путного придумать не могла. Время занятия уже закончилось, а в диалоге не успели поучаствовать ни Александр, ни Катя. Сэнсэй заявил, что завтрашнее занятие мы начнем с выполнения этого задания, и сказал, что перед репетицией можно выйти кому куда надо, чтобы приступить к спектаклю.

Когда все собрались в аудитории, Кузьмин предупредил, что сегодня мы будем репетировать постановку практически целиком. Каждому участнику действия сэнсэй раздал по распечатанному сценарию, в котором было написано, кто, что, когда говорит и делает. Я проглядела свой листок – там была прописана даже моя роль. Примерно в середине спектакля появлялась богиня Инари, которую играла Катя. Ее спутница – лисица-оборотень кицунэ – всячески вредила главному герою Сусаноо-но-Микото, к примеру воровала все, что плохо лежит, и один раз даже уговаривала призраков напасть на него. У Инари было больше слов, чем у ее служанки, которую и предстояло мне сыграть. Видимо, сэнсэй решил, что я смогу справиться не только с изображением природной стихии наподобие ветра, но и вполне осилю роль лисицы-оборотня.

– Дима-сан, вам придется играть роль демона, то есть восьмиглавого дракона, которого в конце убивает Арэкс-сан! – довольно объявил Кузьмин. – Для этой роли вы наденете красивое черное кимоно с изображением драконов! Роль несложная, вы вполне с ней справитесь!

– А как я буду изображать восемь голов? – опешил парень. – Вы мне их прикрутите, что ли?

– Нет, зачем же? – улыбнулся сэнсэй своей широкой улыбкой. – Восемь голов – это маски, которые вы будете держать в руках! Просто покажете зрителям их, и это будет символизировать восемь голов дракона! Ничего сложного, слов у вас не будет, просто пройдетесь по кругу, продемонстрируете головы, а потом Арэкс-сан вас убьет!

– Ладно... – протянул Дима-сан нерешительно. – Если слова учить не надо, то хорошо... А сейчас мне нужно репетировать?

– Если успеем, то да, – кивнул Кузьмин. – Пока нужно разобраться с остальными действиями. Актеры, можете подглядывать в свои сценарии, но к фестивалю постарайтесь все-таки выучить свои роли. Больше всего слов у Риты-сан и у Арэкса-сан, но они справятся. Евгени-сан, ваша роль хоть и второстепенная, но там есть немного фраз. Думаю, вы вполне осилите, судя по вашим успехам в разговорном японском. Рэна-сан, с вас красивый танец с веером и игра на флейте. Так, вроде все, с Катей-сан тоже все ясно... Хадзимэмасэ, начнем!

Вчерашняя сцена ссоры между Ритой-сан и Арэксом-сан, точнее между их персонажами, повторилась, и было видно, что Маргарита старается, тогда как Александру то ли надоело сие действие, то ли он вообще не горит желанием участвовать в постановке. Он говорил фразы монотонно, без всякого выражения и даже не реагировал на просьбы сэнсэя хоть как-то продемонстрировать свое живое участие в ссоре. В конце концов Кузьмину надоело заставлять мужчину играть по-нормальному, и он попросту отошел в сторону, дабы наблюдать за участниками сценки. Повторять ссору, как вчера, не стали – сэнсэй велел остальным актерам пропетировать свои роли. Я быстро прочитала свои слова, благо они были с переводом, про себя повторила и решила, что прекрасно запомнила роль. Наверно, со стороны все это действие выглядело комично – хмурый главный герой, который абсолютно одинаково реагирует на все происходящие события, а вокруг него суетятся боги, демоны, оборотни. На месте сэнсэя я бы нашла другого исполнителя Сусаноо-но-Микото, раз Александр так не хочет участвовать в сценке. На худой конец, сам Кузьмин мог бы превосходно сыграть главного персонажа – уж ему актерского мастерства не занимать! Но, наверно, целью постановки было вовлечь в участие как можно больше человек, дабы те проявили интерес к спектаклю. Чем больше я наблюдала за Александром, тем больше подозрений он вызывал. Как бы его разговорить, чтобы попытаться, ради чего он вообще приходит на занятия... Может, это он замыслил против сэнсэя что-то недоброе. Только каковы его мотивы? Чем Кузьмин, такой энергичный, равнодушный преподаватель, мог насолить мужчине?

Сразу после сцены ссоры богов выступала Рэна-сан со своим танцем. Сэнсэй попросил ее пройти свое показательное выступление без музыки, и девушка, вооружившись большим веером, начала красиво им размахивать и совершать плавные движения. Я воспользовалась моментом, когда практически все наблюдали за Леной, и подошла к Александру.

– Как вам сценка? – шепотом спросила я у мужчины, надеясь разговорить его. Но тот лишь неопределенно пожал плечами. – Красивый танец, – продолжила я. – У вас главная роль, вы сами вызвались или сэнсэй назначил?

– Нет, не сам, – коротко бросил Арэкс-сан. Что ж, уже прогресс, три слова я из него вытянула.

– Вам нравятся фестивали? Вроде того, куда мы поедем в пятницу?

– Когда как, – по-прежнему немногословно ответил тот. Меня это не смутило, я продолжила свои расспросы.

– Я раньше не была на подобных мероприятиях. Можете рассказать, как они проходят?

– Поедете и увидите, – хмуро ответил тот. – Посмотрите расписание на сайте. Там все сказано.

– А вы давно учите японский? – решила я оставить тему предстоящего фестиваля. – Почему выбрали именно этот язык? Скажем, не английский или французский?

– Так получилось, – по-прежнему немногословно пожал тот плечами. – А что?

– Мне интересно, – улыбнулась я, выказывая свое дружелюбие. Увы, Александр на это никак не прореагировал и словоохотливее не стал. – Ведь японский – очень сложный, из-за письменности и иероглифов. Вы ведь на курсы ходили во время учебного года?

– Да, – кивнул тот.

– Вы давно знаете сэнсэя? – подбиралась я все ближе к интересующей меня теме. – Вам нравится, как он преподает?

Однако Александр, видимо, решил, что на сегодня он и так слишком много слов произнес, и никак не ответил на мои вопросы. Я не отчаивалась и предприняла новую попытку разговорить своего молчаливого визави.

– Вы бывали в Японии? Учите язык, чтоб на стажировку поехать?

– Нет, – на сей раз тон, с которым была сказана эта короткая фраза, был несколько раздраженным. Я поняла, что моя навязчивость порядком надоела мужчине и он не прочь от меня отделаться. Но меня по-прежнему это не смутило, и я снова задала вопрос:

– Вы будете ходить на занятия в новом учебном году? Кем вы работаете? Чем занимаетесь помимо посещения курсов?

Однако Александр проигнорировал все три моих вопроса и красноречиво достал мобильный телефон, тем самым показывая мне, что ему есть чем заняться и лучше не мешать, а оставить его в покое. Я сделала вид, что не поняла намека, и открыла рот, дабы снова начать надоедать хмурому исполнителю роли Сусаноо-но-Микото. Однако меня прервали – видимо, сэнсэй увидел, что мы с Арэксом-сан не следим за репетицией, и попросил нас не болтать. Я виновато кивнула – простите, поняла свою ошибку, – и уставилась на Лену, которая, видимо, уже заканчивала свой танец. Александр, воспользовавшись моментом, отошел от меня на значительное расстояние, а мне не оставалось ничего другого, кроме как наблюдать за плавно кружащейся с веером анимэшницей.

Во время сегодняшней репетиции мне так и не удалось снова завести разговор с Александром. Сразу после танца Лены на сцену вышла Катя-сан с ролью богини Инари, потом уже мне пришлось изображать лисицу-оборотня кицунэ. Сэнсэй сказал, что для своей роли я надену маску, одну из тех, что находятся в аудитории. После того как Арэкс-сан со мной расправится – каким образом, пока было неясно, – я должна буду передать маску Диме-сан для роли восьмиглавого дракона. Восьми масок в кабинете не было, но Кузьмина это не смутило. Как он

заметил, никто из зрителей не станет пересчитывать количество голов злодея-дракона, да и вряд ли кто из гостей фестиваля вообще знаком с этой японской легендой.

Сцену победы главного героя над драконом мы сегодня пройти не успели – я даже не заметила, как пролетело полтора часа репетиции и сэнсэй объявил, что на сегодня пора заканчивать. Перед тем как отпустить нас по домам, Кузьмин сказал:

– Завтра все по-прежнему, урок в два часа, репетиция в половине четвертого. Да, едва не забыл вас предупредить. Сегодня вечером приезжают гости из Японии – тоже студенты, как и вы. Они поедут на фестиваль в «Японский квартал», а завтра будут присутствовать на занятии. Если вы захотите пообщаться с ними, имейте в виду, русский язык никто из них не знает, зато они говорят на японском и немного – по-английски. Но думаю, вы поймете друг друга, Рита-сан ведь знает, как проходят встречи с японцами? Помните, в начале второго семестра приезжал студент из Японии?

– Да, было интересно! – улыбнулась Маргарита. – Только я практически ничего не поняла из того, что он рассказывал. В основном хорошо разговаривала Эби-сан, которая на втором курсе.

– Ну, вы же задавали ему вопросы? – напомнил Кузьмин. – Про японскую литературу и искусство?

– Да, я спросила, какие книги он читает, – сообщила девушка. – Только он кучу всего наговорил, и я даже не разобрала, о чем. Все-таки мне знаний японского для общения с настоящими японцами не хватает...

Кузьмин заверил ее, что завтра разговаривать со студентами будет проще – ведь можно будет непонятные фразы спрашивать на английском, к тому же жестикуляцию и мимику никто не отменял, – и распустил нас по домам.

Глава 3

На очередное занятие я явилась с опозданием – выехала как обычно, но простояла в неожиданно возникшей пробке. Какой-то недалекий товарищ въехал в бампер впереди идущей машины, и я не успела проскочить до возникновения длинной очереди автомобилей. Пришлось минут тридцать плестись с черепашьей скоростью и проклинать невнимательного торопыгу-водителя, который, очевидно, так спешил куда-то, что пренебрег правилами дорожного движения.

Таким образом, когда я наконец-то вошла в здание языкового центра, занятие шло уже минут пятнадцать, если не больше. Про себя я надеялась, что сэнсэй, как обычно, припоздал и я не слишком много пропустила. Как оказалось, к моему появлению урок еще не начался – в аудитории царил шум и слышались приглушенные голоса переговаривающихся учеников. Я поздоровалась с присутствующими и оглядела стол, за которым теперь сидело куда больше народу, чем обычно. Помимо уже знакомых мне Маргариты, Александра, Димы, Кати и Лены я увидела еще двух девушек и трех юношей. Как я поняла, это и были студенты из Японии – все черноволосые, с темными, немного раскосыми, характерными для восточных людей глазами. На вид им было от 17 до 22–23 лет, не больше. Девушки были одеты в белые летние блузки и черные плиссированные юбки, а обязательным аксессуаром формы был черный в полоску галстук. Молодые люди были облачены в строгие брючные костюмы – никаких джинсов или ярких футболок, видимо, в Японии всегда ходят в определенной одежде, подчеркивающей социальный статус и род занятий. Я слышала, что у японских школьников существует форма не как у нас в начальных классах, а даже в институтах и университетах. Это у нас в России ходят в чем попало – сейчас даже в театре или на концерте классической музыки можно встретить людей, одетых в рваные, по последней моде, джинсовые штаны и в футболки с яркими принтами. Думаю, в Стране восходящего солнца подобный вид строго карается общественным мнением – если ты учишься в престижном университете или работаешь в какой-либо фирме, сделай милость, одевайся соответствующим образом. На фоне официально облаченных японцев наша группа казалась каким-то сбродом, как будто случайно забредшим на занятие. Только один сэнсэй имел представительный вид, на нем, как обычно, был надет строгий костюм и бабочка.

Я заняла свое место рядом с Маргаритой и смогла разглядеть сидевших напротив японских студентов. Сперва они показались все на одно лицо – наверно, из-за характерного разреза глаз и формы скул. Девушки отличались друг от друга больше, чем парни. У одной была короткая стрижка каре, у другой – длинные распущенные по плечам волосы и прямая челка, совсем как у Риты-сан. Студентка со стрижкой показалась мне симпатичнее своей подружки – у нее была фарфорово-белая кожа, совсем как у японских гейш, аккуратные красные губы, а черные глаза даже казались неестественно большими и какими-то бездонными. Наверно, по японским меркам она считается настоящей красавицей, да и не только по японским, думаю...

Наконец сэнсэй объявил, что урок начался, и сперва предложил всем познакомиться. Требовалось по цепочке спрашивать, как зовут рядом сидящего человека, и называть свое имя по-японски. Выяснилось, что красивую японку с каре зовут Марико-сан, ее длинноволосую подружку – Наоко-сан, а молодых людей – Акио-кун, Харуо-кун и Хадзимэ-кун. Маргарита шепотом пояснила, что «кун» – это приставка к имени, которую используют, называя мужчин и молодых парней, тогда как «сан» – универсальная приставка к любому имени или фамилии. Вообще, японцы обращаются друг к другу в основном по фамилии, а именами пользуются только в кругу семьи и близких друзей. Детей называют по имени, используя уменьшительно-ласкательную приставку «тян». Иногда, впрочем, и имена девушек и даже женщин произносят с этой приставкой, но это в редких случаях. Такое могут позволить себе лишь близкие подружки, а в общепринятом смысле «тян» используют, называя клички животных.

– Зато у нас в России все анимэшники зовут друг друга «тян», – усмехнулась Маргарита. – Только не вздумайте так обратиться к сэнсэю или к гостям из Японии, а то получится весьма странная и неловкая ситуация...

Сегодняшний урок не был похож на предыдущие – мы ничего не записывали, никакую тему не изучали. Кузьмин сказал, что мы можем разговаривать с японскими студентами на любые темы, задавать какие угодно вопросы, только желательно все на японском языке. Мне-то легче было бы пользоваться английским, его я знала в совершенстве. Более-менее разговаривала с японскими учениками лишь Маргарита, иногда что-то пытался сказать Александр, тогда как Дима, Лена и Катя отмалчивались. Я, как могла, принимала участие в диалоге, пытаюсь задавать вопросы на японском, которые мне удалось записать за предыдущие занятия. Сэнсэй сиял, точно начищенный медный таз – поди, радовался, что хоть кто-то из его учеников проявляет энтузиазм в общении с гостями из далекой страны. Он улыбался мне ободряюще, видимо, был доволен, что я не молчу, подобно неразговорчивой троице. Я с удивлением отметила про себя, что Александр, оказывается, владеет японским языком ничуть не хуже старательной Маргариты, а может, даже лучше. По крайней мере, он свободно беседовал с японскими студентами, в основном – с красавицей Марико-сан, которая, ко всем прочим достоинствам, оказалась весьма словоохотливой барышней. Она не переставала одаривать собеседников своей обаятельной улыбкой, которая очень шла ее красивому личику. Девушка буквально расцветала на глазах, и я не могла отвести взгляд от ее живого, прекрасного лица.

Я быстро выдала весь свой запас японских выражений, и мой энтузиазм заметно иссяк. Чуть позже сдалась и Маргарита, а вот Александр, напротив, о чем-то увлеченно болтал с Марико-сан. Ее подруга Наоко беседовала с сэнсэем, среди японцев-парней словоохотливым оказался лишь один, вроде его звали Харуо-кун. Двое других от общения воздержались и лишь молча улыбались, всем своим видом демонстрируя, что они в восторге от познаний русских студентов в японском языке. Утомившаяся задавать вопросы и переводить ответы Маргарита шепотом рассказала мне, что в Японии жители очень хорошо относятся к иностранцам, которые могут сказать по-японски хотя бы одну фразу. Дело в том, что японцы считают, будто выучить их язык невозможно, поэтому всегда говорят туристам, что у тех прекрасный японский.

– По-моему, они правы! – тихо ответила я. – На что я изучала различные иностранные языки, могу сказать, что они куда проще. Одно дело – разговаривать на японском с одногруппниками, и совсем другое – слышать настоящую японскую речь. Я вот ни слова не разберу, о чем беседуют Арэкс-сан с Марико-сан...

– Да обо всем подряд, – махнула рукой Маргарита. – Начинали обсуждать погоду, потом вроде японскую еду, теперь что-то про семью разговаривают. Сейчас...

Девушка прислушалась к рассказу Александра, который что-то объяснял своей симпатичной собеседнице, а потом неуверенно пояснила мне:

– Арэкс-сан говорит, что в России в семьях обычно один ребенок, два – уже редкость. И что у него нет братьев или сестер. Говорю же, они семью обсуждают. В четырнадцатом уроке, который мы еще не проходили, новые иероглифы означают членов семьи и прилагательные, которые их характеризуют. Мы на втором уроке летнего практикума некоторые слова учили, только без иероглифов. Японцы часто интересуются, большая у собеседника семья или нет, кто чем занимается и где работают родители...

Марико-сан тоже стала рассказывать о своей семье. Маргарита, как смогла, перевела мне, что вроде у нее мать – учительница рисования, а братьев или сестер, как и у Александра, нет.

– Наоко-сан – лучшая подруга Марико-сан, – продолжала Маргарита. – Они чем-то занимаются вдвоем, слово незнакомое... А в выходные... ездят в Нару, смотрят животных разных. Наверно, в этой префектуре расположен зоопарк... так, что-то непонятное... ага, они в теннис играют и в бассейн ходят. По-моему, так. Как будет «плавать» по-японски, я не знаю, но слово

«мидзу» переводится «вода». Пить воду на японском – «мидзу о ному», но слово «ному» я не слышала, а значит, они любят плавать...

В конце концов и мне, и Маргарите надоело слушать, о чем разговаривают нашедшие общий язык Александр и Марико-сан, и мы, а точнее, Рита-сан перестала переводить более-менее знакомые фразы. Я поняла, что репетиции сегодня точно не будет – Кузьмин рад донельзя, что Арэкс-сан так великолепно общается с японкой, и если они не закончат сами свой разговор, сэнсэй ни за что не прервет их. Тем временем, к нашему общему с Маргаритой удивлению, Наоко-сан разговорилась с Катей – сначала они обсуждали, какие красивые вещи находятся в аудитории, потом стали беседовать про школьные уроки. Естественно, Маргарита перевела мне содержание их диалога. Правда, Катя не слишком хорошо владела разговорным языком, а говорила в основном Наоко-сан. Японские студенты в лице Хадзимэ-куна и Акио-куна разговаривали между собой, похоже, они тоже были друзьями и беседовали на свои темы.

Пару раз сэнсэй отлучался из аудитории, потом возвращался. В середине занятия он предложил заварить зеленый чай – как я поняла, Кузьмин решил открыть пакет настоящего японского, который находился на полочке вместе с предметами для чайной церемонии. Японские студенты с радостью согласились, а Маргарита шепотом пояснила, что сейчас мы точно будем разговаривать о посуде и красоте пластмассовых одноразовых стаканчиков.

– На фестивале будет организована настоящая японская чайная церемония, – сообщила мне девушка. – Ну как настоящая, просто максимально приближенная к японской. Сэнсэй участвовал в традиционной чайной церемонии, когда ездил в Японию. Там же существуют целые школы, в которых учатся годами. У нас в Тарасове ничего подобного, понятное дело, нет, хотя жалко. На месте сэнсэя я бы организовала обучение на мастера чая, это очень интересно.

– Боюсь, в нашем городе вряд ли получится набрать учеников, – возразила я. – Если на уроки японского языка ходит так мало народу, то что будет, если открыть чайную школу? Если знания иностранного всегда приветствуются, то никто же не будет учиться проводить чайное действо! Хотя бы потому, что в России эти знания применить невозможно, разве только для себя, для общего развития, так сказать...

– И то правда, – согласилась со мной Маргарита. – Вот на курсы художника японских комиксов, пожалуй, пришло бы много народу. Те же самые анимэшники, к примеру. Лена как-то говорила, что мечтает стать мангакой – создателем японских книжек в картинках. Ну или мультипликатором. У них же, японцев, поголовно все читают мангу. Есть даже комиксы для бизнесменов, вроде и учебники у них построены в форме картинок и диалогов. Интересно было бы увидеть пособие по физике или математике в виде комиксов...

Юрий Алексеевич тем временем включил электрический чайник и разрезал ножницами пакет с японским чаем, на котором был изображен глиняный чайник и какой-то экзотический зеленый фрукт, названия которого я не знала. Маргарита объяснила, что картинка – всего лишь красочная иллюстрация, потому что японцы пьют чай без добавок.

– У настоящего чая весьма специфический, немного горьковатый вкус, – объяснила девушка. – Что самое интересное, японцы никогда не добавляют в чай сахар или даже мед. Они привыкли ко вкусу настоящего чая, к нему только подают традиционные японские сладости, которые называются «окаси». Сэнсэй однажды летом проводил чайную церемонию в парке, и я впервые в жизни попробовала японский чай. Честно говоря, настоящая гадость, ума не приложу, как такое можно пить... Пришлось незаметно высыпать в чашку пакетик кофе с сахаром, я его взяла на всякий случай. Хорошо, что Юрий Алексеевич ничего не заметил, а то позор бы был... Сейчас увидите, с каким удовольствием японцы будут дегустировать подобное пойло, уверена, они скажут, что ничего вкуснее им пробовать не доводилось.

– Это, наверно, такой же комплимент, как и замечание по поводу нашего превосходного владения японским языком! – заметила я с усмешкой.

– Нет, они на самом деле любят такой чай, – возразила Маргарита. – Наверно, дело привычки. Если с детства пить только такой напиток, он и будет казаться вкусным. А вот в моем случае, когда не можешь запихнуть в себя несладкий кофе или чай, привыкнуть к японскому будет невозможно...

Сэнсэй аккуратно насыпал мелкие сухие листики чая в красивый миниатюрный глиняный чайник, а затем залил заварку кипятком. По аудитории разнесся и правда весьма необычный запах – я сразу не могла сообразить, на что похож странный аромат. Вроде и чай, и в то же время – нечто другое, непонятное. Кузьмин поставил рядом со всеми присутствующими по стаканчику – как и говорила Маргарита, вместо глиняных чашечек нам предстояло пить «божественный» напиток из одноразовой посуды, так как в аудитории имелась только одна чашка, и то в качестве музейного экспоната, – а потом поставил на стол коробку с какими-то миниатюрными конфетками, по всей видимости мармеладом. Ни я, ни Маргарита представления не имели, какие сладости принято употреблять на настоящем японском чаепитии, но на коробке тоже имелись незнакомые нам иероглифы, из чего мы сделали вывод, что, по всей видимости, мармелад, равно как и чай, родом из Страны восходящего солнца.

Немного подождав, пока чай заварится, сэнсэй принялся разливать заварку по стаканчикам. И ученики нашей группы, и в особенности японские студенты смотрели на сие действие замороженными взглядами, как будто Кузьмин творит на наших глазах некое чудо. А преподаватель всего-навсего наполнял стаканчики светло-коричневой жидкостью, которая, вдобавок ко всему, обладала далеко не волшебным ароматом. Но я почему-то поддавалась всеобщему настроению и тоже стала наблюдать за движениями Кузьмина.

Внезапно атмосфера чего-то необычайного оказалась грубо нарушена стуком в дверь. Сэнсэй недовольно поставил чайник на место и обернулся. Дверь аудитории приоткрылась, и я увидела какого-то парня лет семнадцати. У него было виноватое лицо – видимо, из-за того, что прерывает учебное занятие.

– Здравствуйте, – робко поздоровался молодой человек. – Вы уж извините, что отвлекаю, но вроде это вам...

Парень протиснулся в дверь, и я разглядела, что одной рукой он держит в правой руке довольно увесистый запечатанный конверт, на котором были нарисованы японские иероглифы.

– Понимаете, я в соседнем кабинете английским языком индивидуально с преподавателем занимаюсь, – пояснил он. – Сегодня, до занятия, какой-то человек принес конверт, положил на стол учителю. Я ждал преподавателя, повторял заданное, и забыл про посылку. Преподаватель сперва внимания не обратил, а сейчас увидел, ну, раз иероглифы, значит, вам... Еще раз простите за беспокойство, вот, возьмите...

Молодой человек неловко всунул конверт в руки Кузьмину и поспешил ретироваться, видимо, до сих пор переживая за возникшую неловкость. Какой, однако, вежливый товарищ, подумала я. Ни дать ни взять настоящий японец – вроде там они любят переживать, если каким-то образом доставили неудобство другому человеку...

Сэнсэй, по-видимому, был удивлен возникновением конверта. Я сразу же насторожилась – Маргарита ведь рассказывала про странные посылки, и я была уверена, что конверт появился в кабинете неспроста. Скорее всего, это продолжение всей запутанной истории, которую мне предстоит раскрыть, дабы предотвратить возможное покушение на жизнь Юрия Алексеевича.

Сэнсэй подошел к своему преподавательскому столу и, не став дожидаться окончания нашего своеобразного занятия, вскрыл конверт. Я ожидала увидеть что угодно – письмо, открытку, фигурку оригами, наконец, маску, только гораздо меньших размеров, нежели те, что имелись в кабинете. Однако то, что вытащил Кузьмин, оказалось для меня полной неожиданностью. Как, впрочем, и для остальных присутствующих в аудитории...

В конверте находилось не письмо и не рукописное послание. Преподаватель извлек на свет божий засушенный огненно-красный цветок с красивыми закрученными лепестками и

длинными тычинками. Я никогда раньше не видела подобного растения не только вживую, но даже на картинках. Чем-то лепестки и тычинки цветка походили на огненные языки пламени, каким его изображают на детских иллюстрациях.

По всей аудитории пронесся возглас изумления – видимо, японским студентам было знакомо это растение. На стол выплеснулась заварка – Марико-сан случайно опрокинула свой стакан. Я увидела, что глаза девушки были испуганы, как будто она увидела призрак. Посмотрела на Маргариту – та побелела, точно полотно. Ни Александр, ни Катя с Леной, ни Дима напуганы не были, но они замерли и взирали на сэнсэя с нескрываемым удивлением.

– Это же хиганбана! – прошептала с нескрываемым ужасом Маргарита. Я посмотрела на девушку с недоумением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.